

CREDO ir viskas?

Žmonija yra sukūrusi be galo daug religijų ir visokių religinių tikėjimų. Mes renkamės tikėjimą pagal savo išsilavinimą, tradicijas, asmeninę trauką žinoti, kas yra Dievas, Tiesa, Meilė, Gėris, Žmogus ir t.t. Manau, kad man gyvenime pasisekė, kad turėjau įgimtą smalsumą mokslui. Gal todėl ir nepadariau filosofinės karjeros, nes ne ji man buvo svarbiausia. Svarbiausia buvo išsiaiškinti, ar tie, kurie šlovina Dievą, Bibliją, Bažnyčią iš tikrųjų žino, KĄ šlovina ir kuo tiki. Tas „prakeiktas“ skepticizmas, kuriuo mane „užkrėtė“, matyt, Mišelis de Montenis, padarė gerą darbą. Jo dėka antroje savo gyvenimo pusėje įklimpau visu protu, visu kūnu ir visa siela į vienos idėjos analizę: ar tikrai žmoguje yra kažkokia stebuklinga dvasia ar šviesa, ir ką ji reiškia. Išsiaiškinau. Po ilgalaikių tyrinėjimų parašiau knygą „Šviesos keliu“. TO, ką sužinojau, nebe atims iš manęs jokie skeptikai. Drąsiai galiu skaityti bet kokias knygas ir galiu verifikuoti, kas sako Tiesą, o kas meluoja. O meluoja dažniausiai tie, kurie savyje neieško nei dvasios, nei šviesos. Visos jų viltys sudėtos į Credo. Jie paprastai labai pyksta, kai nesutinki su jų nuomone. Nesvarbu kokiu klausimu kyla ginčas, religiniu ar politiniu.

Taigi, yra žmonių, kuriems nereikia jokių mokslinių faktų tikėjimui Dievu, kurie jie tiesiog tiki (Credo ir Amen). Jie skaito (nors dauguma jų nieko neskaito ir nestudijuoja) knygas - Senąjį Testamentą (Bibliją) ar Naująjį Testamentą, – ir ką perskaito – tuo tiki. Kunigai visas tas biblines žinias ištransliuoja tikintiesiems dar ir dar kartą, įtvirtina tikėjimą ir jie jaučiasi (matyt) padarę gerą darbą žmogaus sielai. Ne man spręsti, ar tas darbas yra tikrai geras ar ne visai. Aš laiminga, kad tikrinau ir „suvedžiau galus“ (padariau sau išvadas) iš to, ką sakė Jėzus Kristus ir Indijos mistikas Ošo. Nesikartosiu, – viskas aprašyta.

Tačiau Barto D. Ehrmano (Bart D. Ehrman) knyga „Jėzus, nutrauktas žodis: kaip iš tikrųjų prasidėjo krikščionybė“, pasakoja apie tai, kad net pasišventus BIBLIJOS istoriniam tyrinėjimui galima iš tikinčiojo virsti agnostiku. Teigiama, kad šio autoriaus knyga būtina visiems, besidomintiems Biblija, – nesvarbu, ar laikote save tikinčiu, ar ne, – nes Biblija išlieka svarbiausia knyga mūsų civilizacijos istorijoje. **Bartas D. Ehrmanas** meistriškai atskleidžia prieštaringas idėjas apie Jėzų ir jo gyvenimo prasmę, kurios tiesiogine prasme perpildė Naująjį Testamentą. Jis atskleidžia tikrąją daugelio apaštalams priskiriamų knygų autorystę ir parodo, kodėl Biblijoje nėra pagrindinių krikščioniškų dogmų. Autorius nieko neišrado siekdamas sensacijų: viskas, kas parašyta šioje knygoje, yra milžiniškų mokslininkų per pastaruosius du šimtus metų atliktų tyrimų rezultatas. **Tačiau dėl kažkokių priežasčių šios žinios apie Bibliją iki šiol liko neprieinamos visuomenei.**

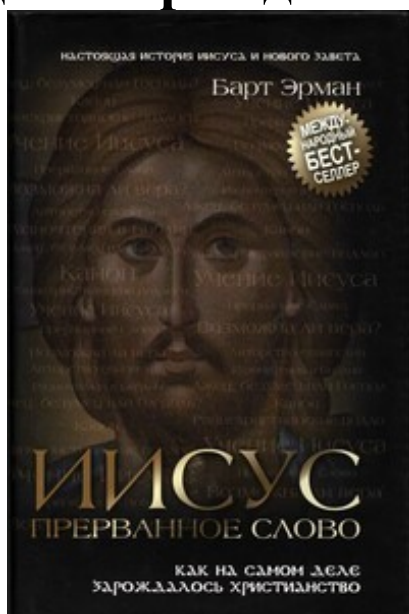
Aš negaliu (dėl suprantamų priežasčių) šios knygos jums išversti į lietuvių kalbą, bet tie, kas moka rusų k. ar anglų k., galės paskaityti šį pasaulinį bestselerį, kuris gali padėti apsispręsti savo tikėjimo abejonėse arba jį įtvirtinti*.

.....

БАРТ ЕРМАН

Иисус, прерванное Слово:

Как на самом деле зарождалось христианство

Посвящается Айе, несравненной внучке

Предисловие

Я прибыл в Принстонскую богословскую семинарию в августе 1978 года недавно женившимся новоиспеченным выпускником колледжа. У меня был залистанный Новый Завет на греческом языке, жажда знаний — вот, пожалуй, и все. Страстное желание учиться я приобрел с возрастом: тем, кто знал меня пятью-шестью годами раньше, и в голову прийти не могло, что я подамся в науку. Но в какой-то момент во время учебы я заметил, что одержим академическим зудом. Вероятно, я заразился им еще в Институте Муди (Moody Institute) в Чикаго — фундаменталистском библийском колледже, занятия в котором я начал посещать в юности, в семнадцать лет. В то время мои научные изыскания подогревала не столько интеллектуальная пытливость, сколько набожное стремление к определенности.

Учеба в Институте Муди оставила у меня глубокие впечатления. Я выбрал это заведение потому, что в старших классах школы «возродился в вере» и решил быть «настоящим» христианином, а значит, приобрести опыт углубленного изучения Библии. Во время первого же учебного семестра со мной что-то произошло: моя потребность в знаниях о Библии стала страстной вплоть до неистовства. В Институте Муди я не просто посещал все библийские и богословские курсы, какие только мог, но и по собственной инициативе заучивал наизусть целые книги Библии. Я посвящал ее изучению каждую свободную минуту. Я читал книги и штудировал записи, сделанные

на лекциях. Чуть ли не каждую неделю я просиживал ночи напролет, готовясь к занятиям.

Три года подобной учебы способны перевернуть всю жизнь. И само собой, стать закалкой для ума. После окончания Института Муди я отправился в колледж Уитон, чтобы получить диплом по английской литературе, но продолжал уделять внимание Библии, посещал всевозможные курсы по ее толкованию и раз в неделю рассказывал об этой книге моей детской группе при церкви. И учил греческий, чтобы изучать Новый Завет в подлиннике.

Как убежденный христианин, верующий в Библию, я считал, что вся она, до последнего слова, ниспослана Богом — богодухновенна. Возможно, этим и объяснялся пыл, с которым я изучал ее. Ведь передо мной были слова Бога, речи Творца вселенной, Господа всех, обращенные к нам, простым смертным. Несомненно, иметь полное представление об этих словах — самое важное в жизни. По крайней мере, это было важно для меня. Понимание литературы в более широком смысле слова помогло мне разобраться в данном произведении (для того я и специализировался на английской литературе), умение читать по-гречески позволило узнать, какие именно слова выбрал Автор текста.

В первый же год учебы в Институте Муди я решил стать преподавателем и профессором библеистики. Затем, уже в Уитоне, я вдруг понял, что неплохо знаю греческий. Поэтому мой следующий шаг был предreshен: я поступлю в докторантуру, займусь изучением Нового Завета, а конкретно — некоторыми аспектами греческого текста и языка. Мой любимый преподаватель греческого в Уитоне Джералд Хоторн познакомил меня с трудами Брюса Мецгера, наиболее авторитетного в стране специалиста по греческим библейским манускриптам, который, как выяснилось, преподавал в Принстонской богословской семинарии. И я подал документы в Принстон, не зная о нем ничего — абсолютно ничего, — кроме того, что там преподает Брюс Мецгер и что, если я хочу стать экспертом по греческим манускриптам, мне прямая дорога в Принстон.

Барт Д. ЕРМАН

Пожалуй, я знал о Принстонской семинарии еще *одно*: это не евангелическое учреждение. И чем больше сведений доходило до меня за месяцы, предшествующие переезду в Нью-Джерси, тем сильнее я нервничал. От друзей я слышал, что Принстон считается «либеральной» семинарией, в которой не придают особого значения

буквальному смыслу и «словесной, полной богодухновенности» Библии. Значит, самым суровым испытанием для меня должна была стать не учеба, способности к которой я сумел продемонстрировать, получая степень магистра и завоевывая право поступить в докторантуру. Мне предстояло сохранить веру в Библию как богодухновенное и непогрешимое Слово Божье.

И я прибыл в Принстонскую богословскую семинарию — молодой, бедный, но увлеченный и вознамерившийся противостоять либералам с их выхолощенными представлениями о Библии. Как подобало доброму евангелическому христианину, я был готов отражать любые нападки на мою библейскую веру. Я мог объяснить любое явное противоречие и разрешить возможное расхождение в Слове Божьем, как в Ветхом, так и в Новом Завете. Я знал, что мне предстоит еще многому учиться, но *не собирался* учиться тому, что в столь важном для меня священном тексте есть хоть какие-нибудь ошибки.

Не всем планам суждено сбываться. То, чему я научился в Принстоне, побудило меня изменить отношение к Библии. Я не сдался без боя — поначалу я усердно отбивался и спорил. О перемене отношения я молился (много и усердно), боролся с ней (напряженно), сопротивлялся ей изо всех сил. И в то же время я думал: если я хочу быть по-настоящему преданным Богу, я должен быть всецело предан истине. Спустя довольно долгое время мне стало ясно, что мои прежние представления о Библии как непогрешимом божественном откровении в корне неверны. Мне предстояло сделать выбор: или по-прежнему цепляться за взгляды, ошибочность которых я уже осознал, или следовать по пути, по которому, как я считал, меня ведет истина. В конечном итоге оказалось, что никакого выбора нет. Что истина — то истина, что нет — то нет. Долгие годы я был знаком с людьми, которые говорили: «Если мои убеждения расходятся с фактами, тем хуже для фактов». Я никогда не принадлежал к их числу. В последующих главах я постараюсь объяснить, почему изучение Библии заставило меня пересмотреть свои взгляды.

Эти сведения необходимы не только таким ученым, как я, посвятившим всю жизнь серьезным исследованиям, но и всем, кто интересуется Библией — независимо от того, считают эти люди себя верующими или нет. С моей точки зрения, эти сведения имеют огромное значение. Неважно, верующий вы или нет, неважно, какова ваша вера — фундаменталистская, евангелическая, умеренная или либеральная, — Библия все равно остается самой важной книгой в истории нашей цивилизации. Понять, что она собой представляет и чем не является, — одна из важнейших интеллектуальных задач, какую только может поставить перед собой наше общество. У некоторых читателей этой книги представленная в ней информация наверняка вызовет чувство неловкости. Я прошу лишь об одном: если вы оказались в подобном положении, последуйте моему примеру — постарайтесь воспринять ее непредвзято, и если придется измениться — изменитесь. Если же в этой книге ничто не шокирует и не насторожит вас, просто читайте ее с удовольствием.

Я несказанно признателен многим вдумчивым и проницательным читателям, которые усердно изучали мою рукопись и активно настаивали — надеюсь, не напрасно — на том, чтобы я изменил некоторые фрагменты. Эти читатели — Дейл Мартин из Йельского университета и Джефф Сайкер из университета Лойола Мэримаунт; моя дочь Келли Эрман Кац; мои аспиранты Джаред Андерсон и Бенджамин Уайт; один проницательный корректор и мой внимательный и бесценный редактор из НагрегОпе, Роджер Фрит.

Эту книгу я посвящаю моей двухлетней внучке Айе, совершенству во всех отношениях.

История и миф

Казалось бы, тот, кто осознал, что христианство создано людьми, должен отказаться от христианской веры, покинуть церковь и найти себе другое занятие для воскресного утра. Но со мной все было иначе — как и со множеством других ученых, которые, подобно мне, поначалу твердо придерживались евангелических традиций, затем осознали убедительность историко-критических представлений о Новом Завете, но продолжали оставаться верующими людьми. Некоторые из моих ближайших друзей преподают в духовных учебных заведениях, учат будущих христианских священников. Они полностью согласны почти со всеми мыслями, которые я изложил в предыдущих главах. Многие читают вводные курсы по моему учебнику «Новый Завет» — книге, в которой приводится немало взглядов, представленных на этих страницах. Когда я осознал, что христианство создано людьми, у меня возникла потребность проанализировать свои мысли по поводу этой религии. И я обнаружил, что она находит у меня живой отклик, сочетается с моим собственным взглядом на мир и мое место в нем. Христианские концепции Бога, Христа и спасения, которое он принес, я воспринимал как своего рода религиозный «миф» или группу мифов — собрание историй, взглядов, мнений, неподтвержденных и недоказуемых, но вместе с тем неопровержимых — способных чему-то научить меня, направить в жизни и мышлении.

Я продолжал верить в Бога, хотя постепенно терял уверенность в том, что же все-таки можно сказать о нем (или о ней). Я продолжал верить в существование Иисуса. Но как я убедился, религия, выстроенная вокруг Бога и Иисуса, опиралась на различные мифы, а не исторические факты. Смерть Иисуса не была мифом — в отличие от идеи спасения, которую она принесла. Ее нельзя ни исторически подтвердить, ни опровергнуть, но я думал, что эта трагическая история должна и может влиять на мои представления о мире и мою жизнь. Для меня смерть Иисуса была актом самоотверженной любви. Согласно этому мифу, Иисус стремился жить и умереть ради блага других людей. Эту идею я находил и благородной, и облагораживающей. Я считал, что за такой пример самопожертвования Христа следует чтить, и полагал, что он — достойный пример для подражания. Но не потому, что я мог подтвердить это самопожертвование как исторический факт, а потому, что оно находило отклик лично у меня.

Воскресение Иисуса — не историческое событие, которое можно подтвердить или опровергнуть, так как по самому характеру своей науки историки не в состоянии подтвердить свершение чуда. Воскресение — смелое мифическое заявление о Боге и мире. Мир — это не только все, что нас окружает. Есть жизнь и помимо него. Злодеяния людей, распявших ни в чем не повинного, — не конец истории. Злу не

дадут сказать последнее слово — последнее слово останется за Богом. Смерть — это не финал. Бог торжествует даже над самой смертью.

Спасение уже не было для меня вопросом, меня не волновало, куда я попаду после смерти, в ад или в рай. Я осознал, что эти концепции тоже в каком-то смысле миф. Не существует места вечных мук, где Бог или демоны, исполняющие его волю, будут мучить бедные души 30 триллионов лет (а потом — всю вечность) за грехи, совершенные в течение тридцати лет. Кем же тогда должен быть Бог — бессмертным, вечным нацистом? Рай ассоциируется с оправданием перед Богом и с уверениями, что в конце, после смерти, мы в некоторой степени станем едины с ним. Следовательно, нам незачем бояться смерти. Ад — не в буквальном смысле слова камера пыток, а отчуждение от Бога и невозможность изведать истинный покой. Сам Бог был для меня разновидностью мифа. Я не сомневался в том, что он существует, но его существование было невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Он был доброй силой, внушающей трепет и благоговение. Он был выше всего, гораздо дальше, чем мы можем вообразить, глядя в ночное небо с миллиардами звезд и галактик. Он надо всем этим и вне всего, как сила добра и благо в мире. Понадобилась бы еще одна книга, чтобы описать, как развивались со временем мои богословские взгляды. Скажу только, что я пришел к выводу: историко-критический подход к изучению Нового Завета не разрушил мою веру, а углубил ее, усложнил мои представления и разговоры о Боге, Его мире, Его Христе, Его спасении. Да, эти представления о мире — порождения человека. Но какие из наших представлений нельзя назвать человеческими? Разве мы не люди? Конечно, мы мыслим, как подобает людям. Никто не может мыслить иначе — даже те (кое-кто из них сейчас читает эти строки), кто утверждает, будто Бог открыл им свои мысли. Даже эта мысль на самом деле человеческая — мысль, которая возникает у людей потому, что когда-то возникала у других, живших ранее людей, с тех пор, как некий человек впервые придумал ее.

Расставание с верой

Итак, я расстался с христианской верой не из-за проблем, присущих самой вере, и не из-за осознания, что Библия — человеческая книга, а христианство — человеческая религия. Все это верно, но не эти мысли помешали мне и впредь принимать христианский миф. Я утратил веру по причине, которую считал и продолжаю считать никак не связанной со всем перечисленным выше, — из-за страданий, которыми наполнен мир. В моей жизни наступил момент, когда я обнаружил, что мифы уже не имеют для меня смысла, больше не находят во мне отклика, не имеют отношения к моему мировоззрению. Я достиг точки, когда перестал понимать, как основные христианские убеждения, даже если воспринимать их как мифы, **могут быть «истинными» для меня в условиях гнетущей, мощной реальности — человеческих страданий в мире.** Это предмет совсем другой книги[98]. Здесь же достаточно будет сказать, что из-за этой конкретной перемены моего мышления (а не

из-за моих историко-критических взглядов на Библию) я покинул церковь. Большинство моих друзей этого не сделали. Почти все они — ученые, соглашающиеся со мной, когда речь заходит об историческом понимании Библии и христианской веры. Но для них миф продолжает действовать, он вызывает у них отклик. Эти друзья находят опору и утешение в своей вере. Они ценят богатое историческое наследие, оставленное нам христианскими мыслителями и богословами минувших веков. Им нравятся христианские гимны, литургии и богослужения. Они верят, что истина гораздо глубже, чем все, что можно сказать в историческом смысле о Библии или развитии христианской религии в первые четыре столетия. Сейчас, печатая эти строки, я отдыхаю у моря вместе с двумя самыми близкими и дорогими друзьями, людьми, которых я люблю всем сердцем; ради меня они готовы на все, как и я ради них. Как выяснилось, оба умнее меня, начитаннее, искушеннее в философском плане (не всем же быть интеллектуальными суперзвездами). У них не возникают и вряд ли возникнут проблемы с историческими сведениями, изложенными в этой книге. Оба, не стесняясь, называют себя христианами. Спросите их, верят ли они в Бога, и они ответят утвердительно. Как думаешь, Христос — Бог? Да. Думаешь, он Господь? Да. Вера не определяется интеллектом.

Богословская ценность историко-критического метода

Я твердо убежден, что историческое понимание Библии не обязательно приводит к агностицизму того рода, который принял я. Многим людям эта мысль покажется настолько очевидной, что они вряд ли поймут, зачем мне понадобилось высказывать ее здесь. Я счел это необходимым потому, что есть множество других людей, особенно среди евангелических христиан, для которых моя мысль станет новостью. И в то же время я хотел бы подчеркнуть: тем, кто сохранил веру, не следует пренебрегать богословским значением исторического подхода к Новому Завету. Вместо того, чтобы считать, что историко-критический метод не имеет прямого отношения к вере, ученые, преподаватели и их студенты должны подробнее изучать богословское значение историко-критического метода. Приведу всего два примера — один более, другой гораздо менее очевидный. Очевидный пример из категории негативных: если выводы историко-критического метода верны, значит, некоторые богословские положения следует счесть несостоятельными и ошибочными. Думаю, невозможно утверждать, что Библия — единое целое, безошибочное во всех элементах, которые ее составляют, богодухновенное во всех отношениях. Этого не может быть. Слишком много в ней разночтений, расхождений, противоречий; слишком много альтернативных взглядов на один и тот же вопрос, зачастую не согласующихся друг с другом. Библия — не единство, а обширное множество. Ее написал не Бог, а люди. Многие из них действовали по вдохновению — в том смысле, что пытались вдохновить других думать о великом и важном, совершать великие и значительные поступки. Но это вдохновение не было богодухновением, Бог не побуждал их писать то, что писали они.

Менее очевидный пример — позитивная оборотная сторона предыдущего. В Библии изложено множество взглядов. Каждый записан в конкретном историческом и культурном контексте, каждый сформирован контекстом, в котором написан. Ни один из этих взглядов нельзя рассматривать в отрыве от изначального контекста, в другом контексте — например, в Америке XXI века, и воспринимать как непогрешимое откровение нам, нынешним. Но поскольку в Библии содержится так много мыслей, зачастую об одном и том же, ее читатель может оценить уместность той или иной и понять, какое отношение она имеет к современной жизни. Некоторые мысли более уместны в определенном контексте, чем другие. Читателям Библии не следует опасаться провозглашать одну из них вместо другой[99].

Надеюсь, все согласятся, что слова Иисуса о детях («пустите детей приходить ко Мне») — более полезное наставление, чем Псалом 136 («Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!»). Подобно этому, некоторые библейские взгляды на женщин превосходят другие. Таково отношение Павла к женщинам, который считал, что они могли и должны быть главами христианских общин — об этом свидетельствует тот факт, что в его общинах женщины были главами церкви, диаконисами и даже апостолами (Рим 16). Такое отношение гораздо лучше вставленного более поздним переписчиком в Первое послание к Коринфянам, где говорится, что женщины всегда должны молчать в церкви (1 Кор 14:35–36); лучше отношения в поддельном и подписанном именем Павла Первом послании к Тимофею, где говорится, что женщина должна молчать, подчиняться и беременеть (1 Тим 2:11–15). Размышляя о том, какие фрагменты Библии уместны в современном контексте, важно помнить историческую предпосылку: библейские авторы жили в мире, отличающемся от нашего, и выражали убеждения и верования своего народа. В их мире не было представлений о гомосексуализме, соответствующих нашим, — если приводить наиболее наглядный пример. Иначе говоря, в том мире гомосексуализма не существовало. Почему? Не потому, что мужчины не занимались сексом с мужчинами (они занимались) или женщины — с женщинами (и такое было), а потому, что самого понятия сексуальной ориентации не существовало до тех пор, пока его не разработали западные мыслители XIX–XX веков. В итоге сами предпосылки нападок апостола Павла на отношения с людьми того же пола разительно отличаются от предпосылок, характерных для современного мира. Мы не можем в полной мере принять наставления Павла, касающиеся однополых отношений, рассматривать их в отрыве от представлений Павла о половых отношениях и гендере и переносить на фундамент других предпосылок. Это справедливо для всего содержания Библии. Ее написали в другом мире, в других условиях. Мысль о возвращении Иисуса опирается на другую, согласно которой над нами, в небе, за облаками, есть место, где живет Бог и куда ушел жить к нему Иисус. Он вознесся в теле и вернется тоже телесно. Никто уже не думает, что где-то за облаками живут Бог и Иисус. За облаками находятся верхние слои атмосферы, за ними — космос, дальше — миллиарды звезд, и это всего лишь наша галактика. Сама идея «сошествия» Иисуса подразумевает, что он появится откуда-то

«сверху» — как же она согласуется с представлениями о нашей Вселенной, где в буквальном смысле слова нет верха и низа, разве что относительно положения, которое мы занимаем в конкретный момент? Очевидно, эту идею необходимо перевести с помощью какой-либо современной идиомы, чтобы она обрела смысл. Или, иначе говоря, нужна повторная мифологизация мифа о новом пришествии Иисуса. В противном случае придется смириться не только с мыслью о сошествии Иисуса на землю, но и с космологией, на которой она основана.

То же самое относится ко всем библейским учениям: о женщинах, об однополых отношениях, о сексе вне брака, о смертной казни, о богатстве, о рабстве, о болезнях, о... практически обо всем. Кое-кто может решить, что применять такой подход к Библии опасно, рискованно выбирать только то, что хочешь принять, и отвергать остальное. Я считаю, что все и без того выбирают из Библии то, что готовы принять [100]. Самые вопиющие примеры этого явления можно найти среди людей, которые утверждают, что не выбирают и ни от чего не отказываются. У меня есть молодая знакомая, родители которой, евангелики, встревожились потому, что она захотела сделать татуировку — ведь Библия запрещает их. В той же Книге Левит Библия также запрещает носить одежду из двух разных видов волокон и есть свинину. И утверждает, что детей, послушавшихся родителей, полагается забить камнями насмерть. К чему настаивать на соблюдении библейских правил, касающихся татуировки, и при этом не соблюдать правила насчет одежды, свиных отбивных и забивания камнями?

Я придерживаюсь мнения, что людям необходимо призывать на помощь разум, чтобы анализировать утверждения Библии, которые представляются им верными или ошибочными. Так мы должны строить жизнь в целом. Следует подвергать анализу все, что мы видим и слышим, будь то богодухновенные слова Библии или вдохновенные слова Шекспира, Достоевского, Джордж Элиот, Ганди, Десмонда Туту или Далай-ламы.

Тогда зачем изучать Библию?

Вероятно, этот вопрос мне задают чаще, чем какой-либо другой, — я слышу его от людей, которые знают, что я агностик и при этом преподаватель Нового Завета. Зачем я продолжаю изучать и преподавать Новый Завет, если больше не верю в него? Этот вопрос никогда не имел для меня особого смысла. Библия — самая значительная книга в истории западной цивилизации. Ее чаще других покупают, подробнее всех изучают, выше всех чтут и понимают хуже, чем какую-либо другую книгу — причем постоянно! Почему бы мне не изучать ее?

У меня есть друзья, преподающие средневековый английский. Они не веруют в Чосера, но придают ему большое значение и посвящают свое время изучению, преподаванию, написанию трудов о Чосере. То же самое справедливо для моих

друзей, преподающих классическую литературу — специализирующихся на Гомере, Софокле, Еврипиде, Платоне, Аристотеле, Сенеке, Ливии, Марциале и Плавте. Все это выдающиеся литераторы, труды которых заслуживают пристального изучения в течение всей жизни ученого, независимо от его личных убеждений. Так можно сказать и о моих друзьях, изучающих и преподающих Шекспира, Джона Донна, Чарльза Диккенса или Т. С. Элиота.

То же самое относится к изучению Библии. Единственное ее отличие в том, что множество людей в нашем мире по-настоящему верят в Библию. Я не пытаюсь принизить тех, кто продолжает ценить ее, как богодухновенный текст, но добавлю, что ценность имеет не только религиозный, но и исторический подход к изучению Библии. Да, при историческом подходе могут всплыть многочисленные изъяны Библии — расхождения, противоречия, ошибочные притязания, немыслимые утверждения и опасные идеологии. Однако историческое чтение способно открыть нам совершенно новые перспективы в понимании Библии и заложенных в ней многочисленных идей.

Более того: даже те из нас, кто не верит в Библию, могут многому научиться у нее. Эту книгу стоит читать и изучать — не как документ веры, а как историческое свидетельство о мыслях, убеждениях, переживаниях, действиях, любви, ненависти, предубеждениях и мнениях людей, стоявших у самых истоков нашей цивилизации и культуры. Она способна помочь нам разобраться в важных жизненных вопросах — почему мы здесь, что мы должны делать, что станет с нашим миром. Она может вдохновлять нас примерами — или предостерегать. Может побуждать нас стремиться к истине, бороться с угнетением, жаждать справедливости, добиваться мира. В ее силах подвигнуть нас к более насыщенной жизни которую мы пока еще можем вести. Она может поощрять наше желание жить ради других, не только ради себя. В истории человеческого рода вряд ли наступит время, когда подобные уроки устареют, когда взгляды видных религиозных мыслителей прошлого утратят всякое значение для тех из нас, кто живет и мыслит сейчас, в настоящем.

.....

Skaityti visą knygą rusų kalba čia:

<https://mirbukv.net/kniga/iisus-prervannoe-slovo-kak-na-samom-dele-zarozhdalos-erman>

*<https://www.maldos.lt/bartas-ehrmantas/>